УДК 39 (084.1) (=16)

И.В. Чернова

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИРТЫШЬЯ В ФОТОМАТЕРИАЛАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 2006–2011 гг.

Исследование посвящено проблеме отражения в фотографиях истории и культуры населения Омского Прииртышья. Проводится анализ источника, а также атрибуция фотографий, полученных от информаторов в ходе проведения полевых исследований путем сопоставления с другими видами источников. В результате показано, что фотография – это отпечаток микроистории семьи / человека / региона. Освещены такие аспекты, как история семьи и населенных пунктов, групповые взаимоотношения, хозяйственные занятия, семейные обряды и этнография детства в регионе.
Ключевые слова: фотографии, *Западная Сибирь, восточнославянское население, традиционная культура.*

За время этнографических экспедиций накапливается большой объем визуально-графического материала, отражающего многие сферы быта и культуры населения исследуемого региона. Фотографии несут в себе отпечаток отдельных мгновений (здесь и сейчас) из жизни человека / артефакта / населенного пункта. При их использовании в исследованиях важно помнить, что фотографии, как и любой другой вид источников, помимо отражения реальности, содержат в себе еще и отражение авторского взгляда на данные события, с одной стороны, и определенный замысел объекта фотосъемки (если на фото изображен человек) – с другой.

Основная проблема, которая встает при использовании такого рода источников, – это их атрибутирование, «дешифровка», в ходе проведения которой исследователь оперирует «образами». Ее важная роль подтверждается и выделяемыми в новейшей литературе по источниковедению общими и специфическими признаками фотодокументов [1. С. 216–218]. Именно воссоздание «отпечатка» или «образа» истории и культуры восточнославянского населения по фотоматериалам экспедиций 2006–2011 гг. и будет основной целью данного исследования.

Первоначально обратимся к характеристике сюжетного разнообразия имеющихся фотоматериалов. Здесь прослеживается некоторая динамика, тесно связанная с социально-политической историей определенных периодов. Так, например, до начала 1930-х гг. в силу того, что семья была центром крестьянской жизни, популярными были семейные фото в выходной, праздничной либо форменной одежде (военные и учащиеся посылали такие снимки родным). До наших дней подобных фото сохранилось не так много. Дело в том, что до первой половины XX в. фотографии были относительно дорогим удовольствием, кроме того, фотографы работали чаще всего в городах, с выездом на праздники, ярмарки и т.п.

Фотоматериалы первой четверти XX в. обнаруживаются в основном в старожильческих семьях и в семьях потомков старообрядческого населения, так как именно там дольше всего сохранялись и чтились семейные традиции, кроме того, часто это были представители зажиточных и образованных слоев. У потомков переселенцев подобных фото не так много, что обусловлено рациональными причинами. Лишь в последние годы на фоне роста интереса к истории семей родственники с «мест выхода» переселенцев стали присылать фото своих предков. Эти снимки могут нам помочь составить представление о сословной принадлежности, некоторых элементах материальной культуры (одежда, обувь и т.п.), о составе семей, иногда – об истории населенных пунктов, восточнославянского населения Омского Прииртышья. При этом сохранившиеся в относительно большом количестве фото старообрядцев могут свидетельствовать о том, что они не так строго придерживались канона, так как даже современные исследователи отмечают греховность изображений в среде старообрядцев [2. С. 23–32].

С началом советской модернизации 1930-х гг. сюжеты фотографий дополняются изображениями «колхозной» жизни, показывающими в основном хозяйственные занятия населения. Сохраняется и популярность семейных и портретных фото. Особенностью этого периода было и увеличение количества фотографий, что легко объяснимо повышением доступности услуг фотографов.

В 1940–1950-е гг. появляется большое количество снимков участников Великой Отечественной войны, фотографий колхозной жизни и т.п. Начиная со второй половины 1950-х гг. прослеживаются 2 сюжетные линии – жизнь общественная и

жизнь семьи, которые идут чаще всего параллельно. Это разделение четко сохраняется до 1990-х гг. Затем в фотографию приходит цвет. К сожалению, в экспедициях не всегда собирают фотографии 1980–2000-х гг., ограничиваясь поиском фото первой половины XX в., что несколько обедняет рассмотрение культурных изменений в среде изучаемого населения. 1970–2000-е гг. – это время фотографий, сделанных самими исследователями в экспедициях.

Сопоставляя имеющиеся фотографии с полевыми этнографическими материалами и литературой, можно получить достаточно полное отражение культуры в символах.

Наибольшее количество изображений связано с семейными снимками, самые ранние из которых относятся к концу XIX – первой половине XX в. Предоставившие их люди, как правило, воспроизводят семейные легенды. Данные фото достаточно сложно атрибутировать прежде всего из-за плохой сохранности. Однако, при всей условности и сложности, атрибуция позволяет в некоторой мере выявить степень сохранности информации в культуре, подтвердить, опровергнуть или дополнить слова информатора. Яркий пример тому в имеющихся материалах – фото из с. Бражниково Колосовского района и из с. Слобода Знаменского района Омской области.

Житель с. Бражниково передал в дар семейные фотографии своего деда. Лучше всего сохранилась фотография типа Cabinet Portrait, т.е. формата 16,5 х 11,5 см. Об этом свидетельствует и аналогичная надпись на картонном паспарту. Судя по паспарту, фото было сделано в первой половине XX в., скорее всего между 1900–1914 гг., в одном из городских фотоателье. Идентифицировать фото можно и основываясь на особенностях костюма изображенных здесь людей. Что же он может нам рассказать? Скорее всего, это люди зажиточные (материал, из которого изготовлена одежда, у каждой из женщин золотые кольца, у одной из них на правой руке перстень с камнем, серьги традиционной казацкой формы и брошь), в достаточно демократичных костюмах, что может свидетельствовать о трех вещах – это могут быть мещане, казаки или старожилы. Одежда выходная, вполне возможно, что семья отправилась на ярмарку либо праздник в близлежащий город, где и решила сфотографироваться. Женщины на фото судя по всему замужем либо просватаны (обручальные кольца на правой руке, платки на голове) [3]. В целом представленные фото свидетельствуют о том, что семья у Ф.А. Бражникова была большая, зажиточная, но ее принадлежность к казачеству, о которой упоминал информант, сомнительна.

При сопоставлении фото с другими видами источников версия о зажиточности семьи подтвердилась. В своем пояснении к нему респондент рассказал историю своей семьи, тесно связанную с историей образования с. Бражниково: «Мои предки жили в «Старине» – так называлась деревня… Жили там очень хорошо и богато … Федор Алексеевич Бражников (дед информатора, изображенный с семьей на фото. – И.Ч.) был одним из первых основателей деревни. Сначала он построил себе дом, а потом ветряную мельницу, которой уже нет. Всего было три основателя деревни, и все они были лысыми, поэтому первая улица называется Лысово. Также были улицы: Курская (там жили переселенцы с Курской губернии), Черниговская (там жили переселенцы из Черниговской губернии) и Маслозаводская (там был маслозавод, принадлежавший купцу Дудикову)…» [3. П.о. 6. Л. 15–15об.]. Эту историю можно дополнить воспоминаниями бывшего председателя сельсовета с. Новологиново о том, что «первоначально на территорию Колосовского района переселились две семьи – Логиновы и Вороновы, высланные на освоение края в Сибирь. Их фамилии дали имена двум деревням – Вороновке и Логиново…» [3. П.о. 10. Л. 5, 5об, 6]. В «Списке населенных мест Сибирского края» все озвученные информаторами названия присутствуют, но это отдельные населенные пункты. Так, д. Бражникова-Лысова была образована в 1852 г., д. Бражниково-Курская – в 1825 г., д. Бражникова-Чернигова появилась в 1700 г., д. Вороновская была основана в 1896 г., а с. Старо-Логиново – в 1775 г. [4. Т. 1. С. 60].

Второй группой населения, где сохранились фотографии раннего периода, были потомки старообрядцев, проживающие в с. Слобода Знаменского района Омской области. По фото из их семейного архива можно проследить историю семьи на протяжении всего XX в., тесно переплетенную с общеисторическим контекстом. Архив этот бережно собирался как минимум тремя поколениями Созонтовых – Репиных – Костиных, и впоследствии он лег в основу генеалогии кержацкого семейного клана. Существование данного архива, равно как и сама генеалогия, обусловлены тем, что на протяжении всего изучаемого периода кержаки и их потомки были людьми грамотными, заинтересованными в сохранении истории своей семьи.

Начало ему было положено фотографией 1890-х гг., на которой изображена бабушка информатора – Созонтова (Николаенко) Екатерина Прокопьевна. Родилась она в д. Чекрушево Тар-

ского уезда и по рождению не была кержачкой. Однако рано осиротев, Екатерина Прокопьевна (тогда Катя Николаенко) поступила в прислуги к тарскому купцу Мезенцеву, который был укорененным кержаком. Девушка приняла старообрядчество, и замуж ее выдали «по вере». На семейном фото видно, насколько наряд девушки отличается от нарядов девушек-старообрядок, которые обе держат в руках лестовки.

Дальнейшие фото датируются 30-ми гг. XX в. Это можно объяснить тем, что в семье строго соблюдались кержацкие традиции, в том числе и запрет на фотографирование, тем более, что здесь объединились семьи двух общинных старост: жили замкнуто, даже в бане не мылись, а купались в реке, держали большое хозяйство. Об этом косвенно свидетельствует и снимок 1930-х гг., на котором изображена Екатерина Прокопьевна с дочерью и внуками. Он показывает трансформацию из девушки в строгую женщину-кержачку в черном платке. Второй женщиной некержацкого происхождения стала Домна Степановна Репина (Анисимова), 1890 года рождения, которая вышла замуж за овдовевшего кержака с четырьмя детьми Федора Константиновича Репина. Она и на фото менее строго одета. На этих фотографиях перед нами предстают три совершенно разных образа кержачки [6].

В экспедиционных материалах других районов фотографий 1910–1930-х гг. не так много. Основная причина этого – их плохая сохранность, обусловленная политическими и социальными перипетиями (межвоенное время, раскулачивание и т.п.). Мало сохранились и фото 1940-х – начала 1950-х гг. Это можно объяснить тем, что основной массив данных фотографий – это изображения участников Второй мировой войны, в военной форме без каких-либо маркирующих черт. Именно поэтому они мало собирались участниками экспедиций. Бытовых фото в этот период мало. Вторым фактором стало то, что многие из людей, изображенных на фото, погибли, поэтому эти фотографии дороги их родственникам как память. Но обозначенный период все же представлен двумя интересными фотографиями.

Первая обнаружилась в семейном фотоальбоме директора Слободской школы в 2011 г. Подпись под ней гласила: «1940 г. Слобода. У Пушкаревых Василия Ив .и Анны Еф. сестры Екатерина Ивановна, Анна Ивановна и Таисья Яковлевна, и Иван Васильевич, и Ульяна Евсюковы» [6. П.о. 1]. Снимок дает нам возможность познакомиться с интерьером жилища. На заднем плане мы видим печку-голландку, которая сохраняется во многих сельских домах до сих пор. Как правило, ее ставят в горнице, для дополнительного обогрева, а не для приготовления пищи и выпекания хлеба. Фото примечательно еще и тем, что Ульяна Андреевна Евсюкова (Сидорова) была родом из кержацкой семьи Сидоровых, о которой упоминалось выше (она стоит на заднем плане, пьет чай), т.е. здесь можно увидеть смешение традиционных куьтур – кержаки рядом с мирскими принимают участие в застолье с алкоголем, с одной стороны, и картину крестьянской совместной трапезы из общей посуды, собравшей за столом несколько поколений – с другой.

Второе фото нам разрешила скопировать одна из жительниц с. Слобода, дав такой комментарий: «Васька Хвиневич пахал, фото около 1948–1949 гг.» [6. П.о. 1]. Костюмы и прически людей действительно относятся к 1940-м гг. Если бы не костюмы, то можно было бы подумать, что перед нами картина из второй половины XIX века – крестьяне пашут землю с помощью сохи. Соха колесная, что свидетельствует о «неудобной, тяжелой» земле и подтверждает место создания фото – степные районы Сибири.

Эти две фотографии показывают два пространства в жизни населения с. Слобода Знаменского района Омской области – жизнь семейную, личную, внутри дома и жизнь трудовую, общественную, вне дома, являющиеся продолжением двух социальных «миров» – мира семьи и мира общины, трансформировавшихся в колхозное сообщество [5, 6].

Начиная с середины 1950-х гг. наблюдается рост количества фотографий, который продолжается до настоящего времени. Это связано и с относительной доступностью фотоуслуг, и с тем, что появляется своеобразная мода и заказ на фотографии. За время экспедиций был собран солидный массив фотоисточников.

В фотографиях данного периода представлены следующие аспекты традиционной культуры: этнография детства, хозяйство, жилище, материальная культуры, история населенных пунктов и их планировка и семейная обрядность. Остановимся на них подробнее.

Имеющиеся фото позволяют составить ретроспективу развития сел и деревень некоторых районов Омского Прииртышья. На них запечатлены улицы и подворья. Данные материалы ценны для этнографа и историка тем, что некоторые населенные пункты были расселены и фактически почти исчезли после 1950–1960-х гг. в связи с проводимой политикой государства, часть из них была перестроена либо приходит в запустение сейчас,

часть домов была перевезена при переезде в другие населенные пункты. При сопоставлении фотографий с другими видами источников можно выяснить и историю домов и их владельцев.

Как мы видим на фото, для всех исследуемых населенных пунктов была характерна на тот момент линейная застройка, что связано с близостью реки. Кроме того, фотографии дают нам возможность сравнить изображения фрагментов этих населенных пунктов. Итак, в Вороновке дома не имеют наличников и ставней, в основном это дома с четырехскатной крышей, и, судя по всему, на фото изображена «колхозная» часть села со стандартной застройкой. Здесь важно отметить, что в первой половине XX в. колхоз им. Калинина, куда входила Вороновка, считался богатым [3. П.о. 9. Л. 5–6]. В Новологиново и Старологиново ставней на окнах также нет, зато есть резные наличники, и вместо частокола в палисаднике видим забор, сделанный из штакетника.

Эти населенные пункты претерпели не так много изменений в своем внешнем облике по сравнению, например, с с. Слобода Знаменского района Омской области, которое существенно изменилось во второй половине XX в. Дело в том, что первоначально, по воспоминаниям информаторов, это село состояло практически полностью из двухэтажных домов, разделенных часто на две половины, т.к. кержаки жили чаще всего большими неразделенными семьями, поэтому большой дом был необходим. Сыграла свою роль и доступность строительных материалов.

После 1930-х гг. эти дома были конфискованы у прежних хозяев и переданы под колхозные нужды, часть была роздана беднякам. Кроме того, дома были перевезены, часть из них разворована и часть разрушена. К настоящему времени осталось только 2 двухэтажных дома [6. П.о. 1. Л. 16].

Дополнив фото данными из полевых этнографических материалов, можно увидеть, что и в Слободе, и в Новологиновове, и в Вороновке, а также в ряде других населенных пунктов жители селились своеобразными фамильными кустами. Помимо полевых материалов, фотографии населенных пунктов можно дополнить фото отдельных подворий, которые, с одной стороны, дают нам представление о хозяйстве, а с другой – об одежде, обуви и т.п.

Хозяйственный комплекс в исследуемом регионе, отраженный в фотографиях 1940–1970-х гг., включал в себя земледелие (в Знаменском и Колосовском районах, например, на протяжении многих лет выращивают лен), животноводство, рыболовство, охоту, изготовление домашней одежды, обуви, мебели и утвари.

В полевых материалах встречаются упоминания о том, что белорусское население Знаменского района «были людьми сильно мастеровыми, особенно по дереву, умели хорошо выделывать кожи», один из поздних переселенцев даже вспомнил технологию выделки, которой его научил дедушка [6. П.о. 1. Л. 17–19]. Были среди жителей и специалисты в других областях – кузнецы, пимокаты, печники. В с. Слобода даже изготавливали кирпичи.

Основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Белорусские и старообрядческие населенные пункты отличались зажиточностью, так как хозяйство традиционно держали большое, поэтому и много фотографий с рыбалки, охоты, на поле, в лесу, на заготовке корма для скота и т.п. Помимо фотографий, подавляющее большинство экспонатов в местных музеях – это орудия труда и домашняя самодельная утварь.

В фотографиях 2011 г. прослеживается еще одна тема – этнография детства, в которой можно найти сюжеты, связанные с вопросами социализации и трансляции культурного опыта. Дело в том, что место, где проводилась экспедиция, – это территория компактного проживания старообрядческого населения, с одной стороны, и переселенцев – потомков чувашей, белорусов, поляков, украинцев, русских – с другой. Поэтому интересно было бы посмотреть на то, кто являлся агентами социализации в семье и за ее пределами. Что касается агентов социализации в семье, то здесь необходимо указать, что наши информаторы – это люди 1930–1950-х гг. рождения, детство которых пришлось на сложное время, поэтому часто основными агентами выступали не родители, а бабушки и дедушки. Есть среди них очень интересные персонажи. В архиве семьи Цыбиных есть фото разного времени с тремя похожими между собой девушками, это сестры Цыбины – Анна и Александра Ильинишны и Пелагея Степановна – бабушки информатора по материнской линии. В своем пояснении информатор упомянула, что «они жили втроем, замуж не выходили» [6. П.о. 8. Л. 32об–34об.].

Кроме того, фотографии отражают и семейные обряды изучаемого населения, но почти все они относятся к 1960–1980-м гг. и более позднему периоду и отражают официальную часть обрядов. Наибольшей репрезентативностью отличается погребальный обряд, который затрагивает как моменты прощания, похорон, так и события после похорон. Сюда включается и фиксация кладбищ, осуществляемая в ходе этнографических экспедиций. На втором месте по популярности и представленности – свадебный об-

ряд. Особенностью его отражения на фото является то, что досвадебная и послесвадебная часть обряда остается за кадром, что существенно обедняет иллюстрацию семейной обрядности. Однако эти фото полезны при установлении количества и состава гостей, а также характеристике возрастного состава брачующихся и особенностей одежды жениха и невесты и т.п.

Таким образом, накопленный массив фотодокументов показывает, что фотография – это отпечаток/микроистория человека/семьи/группы, который можно выявить путем сопоставления с другими по характеру источниками (полевыми этнографическими и архивными материалами, периодическими изданиями, музейными предметами и т.п.). Они отражают многие стороны жизни и культуры восточнославянского населения Омского Прииртышья, увиденные глазами их авторов – исследователей или носителей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Источниковедение* Новейшей истории России: теория, методология и практика /под общ. редакцией А.К. Соколова. М., 2004.

2. *Головнев А.В.* О киноантропологии // Антропологический форум. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/007/07_01_forum_k.pdf, свобоный.

3. *Материалы* этнографической экспедиции ОмГУ им. Ф.М. Достоевского 2007 г.

4. *Список* населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1: Округа юго-западной Сибири.

5. *Репина Т.Г.* Где родился – там и пригодился // Деловая среда. 2011. 2 февр. . № 4 (30).

6. *Материалы* этнографической экспедиции ОмГУ им. Ф.М. Достоевского 2011 г.